

ИЗУЧЕНИЕ ЭКСПРЕССИОНИЗМА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.

© 2021 г. Н.В. Пестова

ЧОУ ДПО «Научно-образовательное объединение
Сириус», Екатеринбург, Россия

Дата поступления статьи: 23 августа 2019 г.

Дата одобрения рецензентами: 13 ноября 2019 г.

Дата публикации: 25 июня 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-422-455>

Аннотация: Анализируются и систематизируются результаты российских научных исследований в области изучения немецкоязычного и русского экспрессионизма за последние 17 лет. В центре внимания автора как большие коллективные научные проекты по истории и теории русской и немецкоязычной литературы, в которые экспрессионизм входит как неотъемлемая часть литературного процесса, так и индивидуальные исследования литературоведов и лингвистов. География российского экспрессионизмоведения охватывает исследовательские центры в университетах Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Нижнего Новгорода, Челябинска и Самары, а также в Австрийских библиотеках (Екатеринбург, Нижний Новгород). Исследования ведутся в четырех основных направлениях. Первое, наиболее традиционное, сосредоточило свои силы на поиске новых персоналий, неизвестных художественных текстов и историко-литературных фактов. Второе работает с хрестоматийными текстами, но оперирует новейшим научным инструментарием, обеспечивая иное видение известного материала. Третий путь — междисциплинарный, использующий адекватные материалу синтетические методы. И последнее — сравнительно-сопоставительное и типологическое направление, важной частью которого является теория и практика перевода.

Ключевые слова: немецкий экспрессионизм, австрийский экспрессионизм, русский экспрессионизм, авангард, история немецкой литературы XX в.

Информация об авторе: Наталья Васильевна Пестова — доктор филологических наук, профессор, Генеральный директор, ЧОУ ДПО «Научно-образовательное объединение Сириус», ул. Евгения Савкова д. 3, 620036 г. Екатеринбург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6771-2158>

E-mail: nv_pestova@mail.ru

Для цитирования: Пестова Н.В. Изучение экспрессионизма в конце XX — начале XXI в. // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 2. С. 422–455.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-422-455>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 2, 2021

STUDY OF EXPRESSIONISM IN THE LATE 20TH – EARLY 21ST CENTURIES

© 2021. Natalia V. Pestova

*Center for Advanced Science and Academic Education
SIRIUS,*

Ekaterinburg, Russia

Received: August 23, 2019

Approved after reviewing: November 13, 2019

Date of publication: June 25, 2021

Abstract: The article analyzes and systematizes results of Russian research in German and Russian Expressionism for the past 17 years. The focus of the author are both great collective research projects on history and theory of Russian and German literature, which includes Expressionism as an integral part of the literary process, and individual studies of literary critics and linguists. The geography of Russian study of Expressionism covers research centers in Universities of Moscow, St. Petersburg, Yekaterinburg, Nizhni Novgorod, Chelyabinsk, Samara and in Austrian libraries (Yekaterinburg, Nizhni Novgorod). The research has four main directions. The first, the most traditional, focuses its forces on the study of new literary material and personalities, unknown literary texts and historical and literary facts. The second direction works with well-known texts, but operates with the latest scientific tools and provides a different understanding of the known material. The third direction is interdisciplinary and uses synthetic methods. The fourth is the comparative and typological direction, an important part of which is translation theory and practice.

Keywords: German Expressionism, Austrian Expressionism, Russian Expressionism, avant-garde, history of German literature of the 20th century.

Information about the author: Natalia V. Pestova, DSc in Philology, Director, Center for Advanced Science and Academic Education SIRIUS, Evgeny Savkov St. 3, 620036 Yekaterinburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6771-2158>

E-mail: nv_pestova@mail.ru

For citation: Pestova, N.V. "Study of Expressionism in the Late 20th – Early 21st Centuries." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 2, 2021, pp. 422–455. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-422-455>

Студенту-филологу, изучающему русскую или зарубежную литературу, скорее всего, и в голову не приходит мысль о том, что наличие в наших сегодняшних учебных пособиях по зарубежной литературе XX в. главы «Экспрессионизм» — факт далеко не само собой разумеющийся [21; 7; 3; 24; 17], а ведь только с конца 1960-х — середины 1970-х гг. экспрессионизм как течение впервые появляется в советских академических изданиях истории немецкой литературы и становится неотъемлемой частью литературного процесса [20; 18; 19; 22; 27; 28]. Путь к официальному признанию отечественной наукой экспрессионизма как одного из самых значительных явлений в немецкой культуре, как важнейшей художественно-эстетической системы, как самостоятельного течения в литературе и искусстве в общей картине европейского модернизма первой четверти XX в. по-настоящему тернист и заслуживает специального историко-литературного исследования. В этом направлении в последние десятилетия российскими историками литературы и искусствоведами ведется большая работа [25; 49; 5; 2]. В данной статье мы не ставим задачи проследить этот путь, напомним лишь, что после недолгого продуктивного контакта немецкого экспрессионизма и русского авангарда в первой четверти XX в., этой яркой и короткой фазы необычайной открытости русской поэзии, живописи, графики, театра авангардным европейским веяниям, в том числе и экспрессионизму [40; 41], начались годы настоящих гонений на него, вплоть до физического истребления носителей его духа и идей, сожжения и запрета книг и произведений искусства, причем как в Германии, так и в России: «Именно Москва и Берлин как имперские центры концентрировали и политическую, и военную, и идеологическую, и культурную суть жизни <...> народов в 1900–1950-е гг.

Именно здесь художники поднимались к высотам художественного гения, а власть проявляла беспрецедентную жестокость в подавлении свободы человеческого духа¹.

Объявленный «дегенеративным искусством», или «искусством вырождения», социальным чужаком и даже классовым врагом, экспрессионизм не пришелся ко двору ни одному тоталитарному режиму из-за своего инакомыслия и бунтарского нрава. «Магия и не поддающаяся тривиализации загадочность экспрессионизма» [10, с. 20] страшили как Сталина, так и Гитлера. В послереволюционной России и позже в Советском Союзе научный и читательский интерес к немецкоязычному экспрессионизму еще долгие годы был крайне ограничен идеологическими догмами и деятельностью целых учреждений, писательских съездов, влиятельных печатных органов и отдельных «ответственных лиц», обвинявших экспрессионизм в том, что «порождаемый им дух прямо ведет к фашизму» [61, с. 50]. Марксистская критика не оставила экспрессионизму никаких шансов на существование в Советской России, так как это был «классовый враг <...>, капитулировавший перед белым террором буржуазии <...>, идеологически близкий к теории насилия НСДАП» [12, с. 45]. Первые попытки реабилитации экспрессионизма в СССР в 1960-х гг. были достаточно смелым гражданским поступком, но в силу идеологических требований времени экспрессионизм следовало считать «восстанием слабых» и «бунтом на коленях» [15, с. 26].

На первом учредительном съезде Российского союза германистов в 2003 г. мной был сделан доклад «Немецкоязычный экспрессионизм в освещении российской германистики» [26]. Тема доклада именно в такой формулировке была предложена П.М. Топером (1923–2006), при этом П.М. Топер знал, что такой историко-литературный ракурс не является предметом моих научных интересов. Однако для общей проблематики съезда и учреждения научного сообщества германистов в России на тот момент, как считал П.М. Топер, важным было подвести некоторый промежуточный итог в изучении немецкоязычного литературного экспрессионизма в российском литературоведении. Поэтому в докладе были представлены основные этапы возвращения немецкого и австрийского экспрессионизма в научный дискурс Советского Союза и, в частности, России, а также отмечен огромный

¹ Эта характеристика прозвучала при открытии уникальной на тот момент выставки «Москва — Берлин» в Москве 1995–1996 гг. [42, с. 9].

вклад отечественных ученых в возрождение интереса к этому феномену и в его научное осмысление. Хотелось бы воспользоваться случаем, чтобы еще раз с благодарностью назвать среди пионеров на этом пути имена А.В. Дранова, М.Л. Гаспарова, А.А. Гугнина, В.Ф. Колязина, А.В. Маркина, Г. Недошивина, Н.С. Павловой, З.С. Пышновской, Г.И. Ратгауза, Д.В. Сарбьянова, В.М. Толмачева, П.М. Топера, В.Л. Топорова, В.С. Турчина и выразить признательность всем литературоведам и искусствоведам, чьи работы заложили основу сегодняшнего экспрессионизмоведения и сформировали понимание немецкоязычного экспрессионизма как важнейшего «культурного феномена Новейшего времени» [48]. С тех пор прошло 17 лет. Каково же состояние российского экспрессионизмоведения сегодня и не иссяк ли в нашей российской науке интерес к экспрессионизму Германии и Австрии? Именно на эти вопросы я попытаюсь ответить в данной статье.

Если согласиться с утверждением Н.С. Павловой 2001 г. о том, что «теперь экспрессионизм изучен, осмыслен, классифицирован» [21, с. 182], то приходится удивляться непрекращающемуся потоку научных публикаций по этой теме². Судя по всему, экспрессионизм осмыслен все же не до конца и почему-то продолжает нас тревожить. Его 100-летний юбилей, широко и разнообразно до сих пор отмечаемый в Европе и в России, убедительно продемонстрировал его поразительную живучесть и актуальность. Как заметил Б. Рохлин по поводу столетия художественного объединения «Мост» (“Die Brücke”), «столетнее дитя выглядит юным, здоровым и по-прежнему привлекательным. Урок немецкого продолжается» [36]. И действительно, присутствие экспрессионизма, явное или скрытое, наблюдается во всех жанрах искусства и литературы XXI в., мы отмечаем неутолимый научный интерес российских литературоведов и искусствоведов к этому яркому явлению, желание вновь и вновь возвращаться к разговору о нем и какое-то поразительно личное, глубоко интимное к нему отношение. Хотелось бы непременно сказать об этом особом отношении, которое мне, как участнику двух международных научных конференций в Государственном институте искусствознания в 2011 и 2019 гг., посчастливилось вновь почувствовать и которое напомнило мне собственное состояние непреходя-

² Только в электронной библиотеке e-library с 2003 г., по самой приблизительной оценке, насчитывается около тысячи публикаций, посвященных литературе и искусству экспрессионизма.

щего радостного волнения во время работы над монографией «Лирика немецкого экспрессионизма: профили чужести» (1999) [22] в Немецком литературном архиве в г. Марбах-на-Неккаре. В этом городе и в этой библиотеке Национального музея Шиллера, которым и Германия, и все мы обязаны ренессансом экспрессионизма³, еще и сегодня можно ощутить, как говорил К. Хиллер, «высокую психическую температуру» явления [56, с. 530]. Чудом сохранившийся архив Курта Пинтуса (1886–1975), который сейчас здесь находится, не только дает всестороннее представление о масштабе и значении явления, но и вызывает эффект близкого личного знакомства со всей уникальной субкультурной ситуацией, с интенсивностью издательской деятельности, с неповторимой атмосферой творческой активности и с судьбой каждого представителя экспрессионистского поколения. Аутентичность документов, запах журнальных страниц столетней давности, первые издания ставших впоследствии известными произведений, огромный массив как литературы экспрессионизма, так и документов о нем, возможность непрерывного «звездообразного» чтения в одном конкретном месте, очень близком к природе, порождают чувства и ощущения, которые можно было бы назвать «профессиональной эйфорией» и которые, как точно выразился В.Ф. Колязин, повергают исследователя в состояние «аффекта в процессе большой внутренней работы» [10, с. 21]. Поражающее воображение литературный материал так захватывает исследователя, что он, находясь в едином интеллектуальном эфире с ним, не может не прочувствовать глубоко лично всю горечь «невостребованного энтузиазма» (Г. Гейм) экспрессионизма и дистанцироваться от трагической судьбы целого поколения образованных и талантливых молодых людей⁴. На городском кладбище Марбаха Курт Пинтус нашел и свое последнее пристанище. В 1999 г. я обнаружила его могилу в запущенном состоянии на фоне других, ухоженных, могильных камней. Все поросло мхом и плющом, латунные буквы едва читались.

3 Речь идет о первой послевоенной выставке экспрессионистского искусства 08.05. — 31.10.1960 г. в Немецком литературном архиве Национального музея Ф. Шиллера в г. Марбах-на-Неккаре. См. каталог выставки: [58].

4 Помимо архива К. Пинтуса в Марбахе хранятся обширные материалы творческого наследия К. Оттена, С. Кронберга, Э.В. Лотца, А. Шнака, Ф. Хардекофа, Ф. Брауна, Г. Майстера, К. Эдшмида, А.В. Хаймеля, Г. Кольвеля, П. Штегмана и других представителей «экспрессионистского десятилетия»; многое из перечисленного пока не введено полностью в научный оборот.

Как позже сказал бургомистр города во время моего визита в мэрию по поводу «этого безобразия», это была «случайная фаза запустения», но в тот момент мне об этом ничего не было известно, было горько и обидно, и я, к тому времени уже совершенно пораженная этим вирусом, чувствуя себя в ответе за весь экспрессионизм, «по-родственному» привела могилу в надлежащий вид, очистила каждую букву и цифру зубной щеткой, отскребла и отмыла серый камень, выкорчевала плющ и принесла цветы в горшках, желтые розы. Во время моих последующих визитов могила всегда оказывалась в полном порядке, с живыми цветами, желтыми розами — кто-то принял эту эстафету. Этот эпизод вспоминается мне сегодня как развернутая «абсолютная метафора» судьбы экспрессионизма, который, теперь уже, полагаю, навсегда, отмыли и очистили от несправедливых обвинений, ложных толкований, поверхностных суждений и от пыли забвения. Нередко от коллег-исследователей экспрессионизма приходилось слышать, что сухой поначалу и совершенно умозрительный, теоретически смоделированный предмет исследования при погружении в него словно оживал и втягивал изучающего его человека в орбиту своих страстей, ликования и печали. Не удивительно, ведь экспрессионизму всегда была нужна сопричастная публика, читатель, слушатель и зритель, которые тут же становились участниками представления. Без этой питательной среды в свое время он просто прекратил существование. Поэтому и писать об экспрессионизме «строго объективно» практически невозможно. Во всех лучших работах о нем и зарубежных, и отечественных германистов и искусствоведов прочитывается этот второй план личного отношения. Хотелось бы в качестве замечательного примера, подтверждающего эти слова, обратить внимание на статью В.Ф. Колязина, которой открывается сборник трудов, составленный им по следам Международной научной конференции «Херварт Вальден и наследие немецкого экспрессионизма». Чувства сопричастности, восхищения и горечи буквально обрушиваются на ее читателя. Разве может равнодушный и бесстрастный ученый написать так: «История жизни и пути на советскую Голгофу Херварта Вальдена непостижима и страшна, как история нежной бабочки, порхнувшей в якобы волшебный огонь» [10, с. 12]?

С удивлением и много лет спустя после своего студенчества на факультете немецкого языка МГПИИЯ им. М. Тореза (1975–1980) я узнала, что училась в вузе, где преподавал Херварт Вальден — никто из преподава-

телей немецкого языка никогда не говорил нам об этом, и я не уверена, что знал. Если там и была какая-то мемориальная доска, то никто не обратил на нее наше внимание, а в курсе немецкой литературы экспрессионизм еще отсутствовал, и эта глава не стала частью моего специального филологического образования. Хотелось бы надеяться, что сейчас, когда экспрессионизм снова обрел свою публику, ситуация уже изменилась или вот-вот изменится.

Сегодня мы с полным правом можем говорить о существовании сложившегося и непрерывно развивающегося отечественного экспрессионизмоведения и охарактеризовать его как одно из популярных и продуктивных научных направлений российской германистики. Основанием для такого суждения служат не только весьма солидное количество научных исследований, статей, диссертаций и коллективных монографий, энциклопедий, учебных и справочных изданий, вышедших уже в XXI в., или высокий художественно-эстетический и научный уровень российских культурных мероприятий, посвященных немецкому и австрийскому экспрессионизму в различных жанрах искусства, но и особый характер научных результатов, обогативших интернациональную германистику, полученных во многом благодаря тому самому «тайному коду русской германистики» [8], о котором говорил А.И. Жеребин на первом съезде Российского союза германистов. Российское экспрессионизмоведение и объект его исследования — немецкоязычный экспрессионизм — оказались невероятно благодатной и благодарной почвой для развертывания и воплощения в конкретном научном результате этой тайны, а «тайна германистики нашей <...> — это то, что она есть скрытая, имплицитная, неразвернутая и часто безотчетная компаративистика, ибо характер восприятия исследователя на последней глубине детерминирован кодом его национальной культуры» [8, с. 28]. Очевидно, что широко применяемый в различных областях филологии и зарекомендовавший себя как весьма продуктивный метод сравнения и сопоставления позволил и литературоведению выявить в исследуемом феномене такие специфические аспекты и признаки, которые могли вскрыться только в сопоставительной перспективе на фоне иной, чужой этноконцептосферы или на фоне иной языковой структуры. «Принципиальные преимущества <...>

национальной венаходимости» (М.М. Бахтин) (цит. по: [8, с. 28]) реализовались в данном случае в сверхчувствительности российской германистики по отношению как к экзистенциальной глубине явления, резонирующей в дне сегодняшнем, так и к его языковому воплощению, к тем самым «вкусным деталям», которые не всегда достаточно отчетливо высвечиваются в монокультурном исследовании. Так, к примеру, успешная практика перевода на русский язык немецкоязычной экспрессионистской поэзии и прозы предоставила даже в поле достаточно хорошо изученного литературного материала новые объекты и предметы исследования: благодаря многочисленным переводам поэзии Г. Тракля, Г. Гейма, Г. Бенна, Э. Ласкер-Шюлер и других поэтов к традиционному в немецкоязычной германистике изучению образности экспрессионистской поэзии прибавились результаты наблюдений российских лингвистов, обративших внимание на когнитивную сущность экспрессионистской «абсолютной метафоры» как один из ведущих способов концептуализации и категоризации действительности в экспрессионистской картине мира [59; 23; 13]. Некоторые уникальные элементы экспрессионистской поэтики, например синтетосемия Г. Тракля, в зеркале перевода и на фоне структуры русского языка высветились во всей своей семантической многогранности, неоднозначности и исключительной поэтологической значимости [29]. Вклад целой плеяды блестящих переводчиков на русский язык поэзии, прозы и драмы экспрессионизма невозможно переоценить, они приблизили российскому читателю эту литературу во всей ее своеобычности и глубине. Тем не менее ставшая классической антология экспрессионизма «Сумерки человечества. Симфония новейшей поэзии» (“Menschheitsdämmerung. Symphonie jüngster Dichtung”), изданная К. Пинтусом в конце 1919 г., до сих пор не только не переведена полностью ни на один язык, но и не осмыслена как книга, как единый текст. В российском историко-литературном дискурсе и в практике перевода экспрессионистской поэзии на русский язык непонимание единой композиционной структуры книги привело, в частности, к появлению одноименного русскоязычного сборника «Сумерки человечества: Лирика немецкого экспрессионизма» (1990) [44], ошибочно воспринимаемого как перевод стихотворного собрания К. Пинтуса. По незнанию или недоразумению оба собрания нередко приводятся в едином ряду как равнозначные. Наличие русскоязычного стихотворного сборника с аналогичным названием, но не

отвечающего внутренней программе оригинала («симфония новейшей поэзии»), является серьезным дезориентирующим фактором, который подлежит научной коррекции. По инициативе Австрийской библиотеки г. Екатеринбурга и Института мировой литературы им. А.М. Горького и в связи со 100-летием этого собрания экспрессионистской лирики в 2020–2021 гг. состоялась научная дискуссия между российскими экспрессионизмоведами, в результате которой традиционное для зарубежной и российской германистики видение и понимание книги К. Пинтуса как сборника текстов, или как антологии, было переосмыслено. Международному научному сообществу была предложена новая, теоретически обоснованная и практически верифицированная идея о когерентности текста со сквозным сюжетом, выверенной композиционной структурой и множеством разноуровневых элементов связности. По результатам дискуссии готовится к публикации коллективная монография, в основе которой лежит междисциплинарный подход к объекту исследования. Он базируется на том, что контекст классической симфонии, заданный составителем сборника поэзии К. Пинтусом в его интродукции «Прежде всего» (“Zuvor”) [60], впервые используется как элемент научного инструментария при изучении поэзии модернизма. Такой подход инициирует новый научный взгляд на хорошо известный литературный документ XX в., необходимый для пересмотра значения экспрессионистского поколения и его творческого продукта не только для истории мировой литературы модернизма и авангарда, но и для формирования гуманоцентрического сознания человечества. Данный коллективный труд — произведение с открытым финалом и приглашение к продолжению поиска. Не претендуя на полноту освещения материала в решении поставленной задачи, коллектив авторов предлагает научному сообществу, заинтересованному в развитии российского экспрессионизмоведения, рассматривать этот коллективный труд как призыв к дальнейшему всестороннему и глубокому изучению “Menschheitsdämmerung” не только как одного из важнейших поэтических документов XX в., но и как «живой и пробуждающей жизнь» книги (К. Пинтус), автором которой является сам Курт Пинтус.

Примечательно, что сопоставительный ракурс экспрессионизмоведения и выявление как контактного взаимодействия, так и типологических параллелей позволили и в русском экспрессионизме увидеть признаки определенной поэтической самостоятельности и услышать его собственный

голос [45; 30; 31; 1]. Издание в ИМЛИ РАН антологии «Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика» (2005), составленной и прокомментированной В.Н. Терехиной, подняло новую волну интереса к экспрессионизму в России (1919–1925) не как к тенденции, но как к самостоятельному течению на широком фоне русского литературного авангарда [38]. Сам же немецкоязычный экспрессионизм приобрел свойства объяснительной силы — именно через его призму коллектив авторов-негерманистов под руководством профессора Н.Л. Лейдермана определил закономерности исторического развития и новые художественные стратегии русской литературы XX в. [37]. Опираясь на философские основы и эстетические принципы немецкоязычного экспрессионизма, российские литературоведы осмыслили судьбу экспрессионизма в русской литературе и обосновали его русскую версию в творчестве раннего В. Маяковского, в прозе Б. Пильняка 1920-х гг. и других русских писателей и поэтов [37]. В опоре на исследования собственно немецкого экспрессионизма проведена спецификация феномена «австрийский литературный экспрессионизм», который является неотъемлемой частью всего немецкоязычного экспрессионизма [32]. Поэтика экспрессионизма как особая техника и объяснительная схема, как специальный код или ключ к декодированию нередко используется при интерпретации национальных литератур и искусства разных жанров и периодов. В российско-германском культурном диалоге такая перспектива научного исследования также необычайно актуальна, если не сказать популярна.

Практически через весь корпус статей «Энциклопедического словаря экспрессионизма», вышедшего в ИМЛИ им. А.М. Горького в 2008 г., проходит этот же сопоставительный вектор: российские литературоведы говорят о национальных версиях феномена во всей Европе, сверяясь с координатами немецкого и австрийского феномена. Начатый П.М. Топером и завершенный его коллегами грандиозный коллективный труд, первый в отечественной науке, представил экспрессионизм как международное художественное явление и убедительно продемонстрировал, что с конца 1920-х гг. экспрессионизм как новое мировидение приобрел сначала общеевропейский масштаб, а затем вышел за пределы Европы, мощно проявившись в других культурах [51]. Уникальность этого Словаря состоит, во-первых, в том, что он впервые включает в себя статьи обо всех жанрах литературы и искусства, актуальных для экспрессионизма (драма, лирика,

проза, живопись, скульптура, архитектура, театр, кино, балет), во-вторых, он не ограничивается немецкоязычным регионом, а затрагивает широкую географию, где экспрессионизм проявился в большей или меньшей степени в форме определенных тенденций или в творчестве отдельных представителей литературы и искусства. И, наконец, в-третьих, это не просто Словарь, систематизирующий в алфавитном порядке факты и события, реалии и персоналии, но собрание статей аналитического характера о философских и эстетических основах экспрессионизма, о его генезисе, месте и роли в истории литературы и искусства. Это единственный в своем роде словарь в зарубежной и отечественной германистике, который отличается столь всеохватывающим и фундаментальным характером. Около 50 российских ученых — литературоведов и искусствоведов, германистов, славистов, романистов — внесли свой вклад в его подготовку.

Подвел ли Словарь финальную черту под размышлениями о сути и судьбе экспрессионизма? Очевидно, нет. Разумеется, он в значительной степени восполнил дефицит научного знания о феномене, однако он же еще раз убедительно продемонстрировал проблему поразительной неомогенности явления и высветил существующие лакуны. Как заметил П.М. Топер, «экспрессионизм принадлежит к самым неопределенным и сложным понятиям в области художественного творчества», и споры вокруг этого явления «вряд ли скоро закончатся» [47, с. 5]. Выступая регулярно с 2002 г. в качестве эксперта, рецензента, официального оппонента или научного руководителя кандидатских и докторских диссертаций, посвященных экспрессионизму, я позволю себе высказать следующее наблюдение: если в последней трети XX в. такой объект исследования, как немецкоязычный и русский экспрессионизм, был интересен и в виде художественных и программных текстов реально доступен довольно небольшому количеству отечественных филологов, то в первые два десятилетия XXI в. мы наблюдаем почти такой же всплеск научного интереса, который был зафиксирован в Германии с 1960-х гг. и в Австрии с 1990-х гг. Научная и профессиональная мобильность молодых исследователей, совместные российско-немецкие образовательные проекты в ведущих университетах России, Германии и Австрии, научные гранты, зарубежные стипендии и стажировки, практически безграничные возможности новых информационных технологий сняли все прежние технические ограничения и ввели этот огромный пласт

труднодоступного ранее историко-литературного материала в отечественное научное пространство. Не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в других российских городах (Екатеринбург, Нижний Новгород, Челябинск, Самара) успешно ведутся исследования экспрессионизма, причем как в университетах, так и в Австрийских библиотеках (например, в Екатеринбурге, Нижнем Новгороде). Столь сложно организованная текстовая материя, как экспрессионистские тексты, стала настоящим вызовом для филолога-исследователя. Но вряд ли можно говорить, что экспрессионизм стал просто модной темой. Трагический нерв экспрессионистской поэтики и эстетики удивительным образом продолжает вибрировать в современных условиях необычайно усложнившегося человеческого бытия и зыбкости ориентиров. Обмирщение сознания, которое в свое время подметил и осмыслил экспрессионизм, негативно проявилось и проявляется сейчас во всех сферах человеческой жизни. Совсем молодые исследователи бесстрашно и с большим энтузиазмом погрузились в те экзистенциальные бездны, в которые сто лет назад впервые широко открытыми глазами осмелился заглянуть сам немецкий и австрийский экспрессионизм. Экспрессионистское мироощущение как один из вариантов катастрофического экзистенциального типа сознания в совокупности с общей мироустроительной идейной программой оказываются близкими современному индивиду. Как точно выразился Б. Рохлин о художниках группы «Мост», «в их фокус попала *тоска бытия*» [36]. Удивительно, но «неудовлетворенная тоска экспрессионизма по целесообразности» [10, с. 12] и его «неистребимая потребность гармонии» [57, с. 127] востребованы и сегодня. Общество испытывает острый дефицит его «гуманоцентрического сознания» [52, с. 18]. Немецкий экспрессионизм, как выясняется, — «хорошее средство от энтропии души» [36].

Исследования немецкоязычного экспрессионизма последних лет, как индивидуальные, так и коллективные проекты, можно условно подразделить на четыре основных научных направления. Первое, наиболее традиционное, сосредоточило свои силы на поиске, выявлении и исследовании нового литературного материала и новых персоналий, неизвестных или не включенных в научный оборот художественных текстов и историко-литературных фактов, а также на углублении и систематизации имеющихся представлений о феномене. В этом направлении велика роль ставших доступными архивных материалов, в том числе и ранее засекреченных, как

например, архивы бывшего КГБ с расстрельными делами репрессированных деятелей искусства Германии и России. Работа в этом направлении, по словам В.Ф. Колязина, часто сопряжена с «аффектом нового открытия давно опознанного объекта» [10, с. 21]. Второе направление работает в основном с хрестоматийными текстами экспрессионизма. Но благодаря определенной методологии и технологии исследования, совмещающих в себе несколько научных парадигм, это направление оперирует новейшим научным инструментарием и обеспечивает иное видение, прочтение и понимание известного материала. Современные знаковые, семиотические и мифопоэтические подходы к анализу художественного текста открыли новые научные горизонты и дали существенные научные результаты. Третье направление — междисциплинарное. Такой взгляд на историко-литературную проблему обусловлен и оправдан тем, что доминировавшая в культурном контексте обсуждаемого периода идея синтеза искусств (*Gesamtkunstwerk*) диктует необходимость использования адекватных материалу синтетических методов и путей исследования. К указанным трем направлениям изучения немецкоязычного экспрессионизма примыкает сравнительно-сопоставительное и типологическое направление, важной частью которого являются как сравнительное литературоведение и сравнительная концептология, так и научные сочинения в области теории и практики перевода, использующие в качестве объекта исследования или языкового материала переводы экспрессионистской литературы для прояснения и уточнения таких переводческих проблем, как эквивалентность и адекватность, переводческие стратегии и трансформации, переводимость и непереводимость. Прокомментирую каждое из направлений новейшими результатами коллективных проектов, а также индивидуальными научными изысканиями, т. е. соответствующими кандидатскими и докторскими диссертациями последних лет.

Значительным результатом многолетнего кропотливого труда выдающихся российских ученых-германистов в осмыслении феномена стали его широкое освещение и глубокая систематизация в одном из последних коллективных проектов ИМЛИ РАН им. А.М. Горького — «Истории литературы Германии XX века» (2016) под редакцией В.Д. Седелника и Т.В. Кудрявцевой [9]. Специфику данного крупномасштабного труда определяют успешная попытка учесть различные подходы к отбору материала, сформир-

ровавшиеся в отечественной и немецкой германистике, и «взаимодействие разнонаправленных процессов канонизации и деканонизации» [34, с. 961]. Примечательно, что в данном труде описание истории литературы как сосуществования и смены художественных парадигм, обращение к творчеству писателей, которые вошли в канон немецкой литературы, сочетается со стремлением выйти за пределы существующих канонических представлений и расширить поле анализа. Как справедливо отмечают создатели труда, «соединение различных типов литературного канона, возникновение зазоров между ними, сдвиги от центра к периферии создают автопортрет работающей с “обломками” разных канонов и отмеченной центростремительными тенденциями современной российской германистики. <...> В ряде глав, описывающих литературные направления, содержится не столько “объективная” картина действительности, сколько анализ дискурсов, структурировавших тот или иной феномен» [34, с. 960]. В полной мере это касается характера изложения материала об экспрессионизме. Впервые в российской версии истории немецкой литературы в солидных монографических главах представлены все три рода литературы экспрессионизма, каждый из которых приобрел в экспрессионистском дискурсе свою собственную конфигурацию и оказал значительное влияние на его дальнейшее развитие: поэзия (Н.В. Пестова), драма (А.А. Стрельникова) и проза (С.П. Маценка). В соответствии с концепцией редколлегии, статьи обобщающего характера даются вместе с подробным анализом творчества соответствующего периода Г. Бенна (Е.С. Фетисов), А. Штрамма (М.Б. Румянцев [Горбатенко]), Э. Ласкер-Шюлер (Г.В. Синило), Г. Гейма (Н.С. Павлова), К. Штернхайма (О.А. Асписова), Г. Кайзера (Ю.Л. Цветков), Л. Франка (Н.Э. Сейбель), которые составляют «живую плоть этой литературы» [9, с. 7]. Эта концепция полностью совпадает со структурой построения наиболее авторитетных коллективных трудов немецкой германистики, где в анализ экспрессионистского дискурса под очень точным названием “Gestalten einer literarischen Bewegung” [52] встроены монографические статьи известнейших немецких ученых (Ф. Мартини, К.Л. Шнейдер, Р. Бринкман, П. Бёкман, Э. фон Калер и др.) об Э. Ласкер-Шюлер, Г. Гейме, Г. Бенне, А. Штрамме, К. Штернхайме и о других каноничных авторах.

Успешным продолжением формирования целостного представления о драматургии экспрессионизма в рамках индивидуальных исследований

может рассматриваться диссертация Ю.В. Красовицкой «“Der neue Mensch” в немецкой экспрессионистской драме» (2017) [11]. В типологии и генезисе ее художественных форм автор обнаружила некоторые малоизученные аспекты. К ним, во-первых, следует отнести обращение к драматургам экспрессионизма, стоявшим вне поля зрения отечественной критики, — Э. Барлаху, Р. Гёрингу, Г. Йосту, Ф. фон Унру, Р.Й. Зорге, и к тем произведениям более известных драматургов (К. Штернгейма, В. Газенклевера, Й.Р. Бехера), которые не были специальным объектом изучения. В научный оборот вводится множество малоизвестных и не переведенных на русский язык текстов, некоторые из которых вообще никогда не фигурировали в работах об экспрессионистской драме. Многие авторы диссертаций для систематизации огромного текстового материала выбирают оригинальный предмет исследования, т. е. предлагают особые таксономические ряды или порядки, благодаря которым высвечиваются новые грани известного явления. Так, новаторской в данной диссертации представляется попытка создания классификации драм экспрессионизма в соответствии с доминированием в них христианских, ницшеанских или социалистических воззрений. На примере десятков более или менее известных драматических произведений, а также философских сочинений самих экспрессионистов и множества трудов философов, влиявших на умы этого поколения, автор работы делает справедливые обобщения об «общевропейской тенденции к обмирщению сознания», приходит к заслуживающим внимания выводам о различиях экспрессионистских и ницшеанских представлений об обновлении и «новом человеке», прослеживает процесс подготовки «создания экспрессионистской антиутопии» и изменения в политических воззрениях экспрессионизма [11, с. 6]. Таким образом, всегда актуальные для экспрессионизмоведения проблемы о философской базе экспрессионизма, о степени влияния Ницше на него, о религиозных воззрениях представителей этого движения, о возможности «вторжения художника в политику» (Л. Рубинер) находят в диссертации новые ракурсы рассмотрения и значительно обогащают традиционные представления о них.

В этом же русле исследований выполнена кандидатская диссертация Н.И. Волокитиной на тему «Фаустианские мотивы в творчестве Франца Верфеля» [4]. Автор работы пришла к выводу, что влияние фаустианских мотивов на творчество писателей-экспрессионистов не осмыслено в полной

мере, поэтому была поставлена задача рассмотреть фаустианские мотивы в творчестве Ф. Верфеля 1910–1920-х гг. и выявить эволюцию эстетической и религиозно-философской позиции художника, нашедшей отражение в нескольких подобных мотивах: искушения, договора с дьяволом, мессианства, избранничества, странствия (пути), богоискательства и богоборчества. Такой ракурс рассмотрения экспрессионистской стадии творчества австрийского поэта, писателя, драматурга обогащает понимание экспрессионизмом роли Поэта. У Ф. Верфеля образ Поэта является переосмыслением образа Фауста, его существо наполнено трагическими переживаниями, ощущением тотальности хаоса и безумия окружающего мира. Поэт выступает в роли мессии, открывающего людям новый мир путем собственного преобразования. Он способен сострадать всему человечеству, но осознает собственную избранность, ценит целостность собственной личности, поэтому все искушения отвергнуты им ради искусства как высшей ценности, рядом с которой страсть, слава, богатство и признание ничего не значат. Эта работа не только представляет малоизученное в российской германистике творчество Ф. Верфеля, но и конкретизирует наше представление о том, насколько «революционный» по своей сути экспрессионизм был привержен традиции и каким образом он развивал ее в немецкоязычной литературе.

В сегодняшнем отечественном экспрессионизмоведении отчетливо просматривается также тенденция динамизации перспективы восприятия модернистского текста. В ряде работ исследуется не только и не столько экспрессионистская проза, драма или поэзия как таковые, сколько поднимается проблема, как по-новому их можно прочитывать современному читателю, вооруженному культурной оптикой XXI в. Для решения такой проблемы молодые ученые более или менее успешно обращаются к другим научным парадигмам и соответствующим им методам исследования. Так, весьма необычным явлением, выпадающим из ряда стандартных защит по научной специальности «литература стран зарубежья», в 2003 г. стала для диссертационного совета Уральского государственного педагогического университета защита кандидатской диссертации Н.С. Сироткина «Поэзия русского и немецкого авангарда с точки зрения семиотики Ч.С. Пирса» [43]. Данная диссертация представляет собой оригинальное исследование эстетики и поэтики русского и немецкого поэтического авангарда двух первых десятилетий XX в. и посвящена теоретическому обоснованию их типологиче-

ского сходства. Как говорит автор, «это не попытка объяснить авангардное искусство, ибо оно само себя объясняет, но экспликация его характеристик и приведение их в систему» [43, с. 148]. Таким приведением в систему стало описание семиотической специфики авангардизма как художественной и идеологической системы, что позволило диссертанту сделать целый ряд выводов, заслуживающих внимания. По сравнению со структуралистскими и постструктуралистскими методами, объясняющими, *как* сделан текст или каким *мы* видим объект, семиотический подход оказывается шире, так как он позволяет показать, *как* и *какое видение объекта* провоцируется и определяется самим объектом [43, с. 18]. На примере нескольких известных стихотворений Г. Балля, Р. Хюльзенбека автор диссертации иллюстрирует тезис: «Семантический аспект зауми в том, что семантический аспект отсутствует». При этом стихотворение становится манифестом и само себя интерпретирует. Транспонируя этот вывод диссертанта на известные экспрессионистские тексты, которые относятся к разряду «текстуры» [33], можно сказать, что это действительно тексты-манифесты. Действительность в таких стихотворениях, очевидно, должна рассматриваться только как действительность *самого языка*, и его «неправильность», абсурдность, алогичность зафиксированной им картины есть неправильность действительности, с которой конфронтирует поэт-экспрессионист. «Неправильное» стихотворение интерпретирует само себя. В этом смысле и следует понимать исходный постулат диссертации, что авангардное искусство «само себя объясняет». Жанр данной статьи не позволяет более подробно остановиться на множестве любопытных выводов этого научного сочинения, отмечу лишь, что семиотический подход к поэтическому тексту позволил Н.С. Сироткину научно обоснованно, а не интуитивно, сформулировать принципиальное отличие экспрессионизма и футуризма от дадаизма.

Новизну кандидатской диссертации В.А. Порунцова на тему «Художественный мир малой прозы немецкого экспрессионизма 1910-х гг.: Георг Гейм, Альфред Дёблин, Готфрид Бенн» (2016) [35] также обеспечил новый ракурс видения очень хорошо известного материала: автором был предложен анализ текстов с помощью иного категориального аппарата, не используемого широко в традиционной системе координат зарубежного и отечественного экспрессионизмоведения. С точки зрения методологии научного исследования, такой путь непременно должен привести к получению *нового*

знания об объекте изучения. Выбрав такую стратегию, автор поместил в фокус исследования постмодернистскую версию понимания характера соотношения субъекта и объекта художественного произведения и сделал в разборе широко известных новелл акцент на такой категории, как «телесность», и ее соотношении с сознанием. В результате авангардистский тезис о семиотизации тела получил в интерпретации экспрессионистской прозы оригинальные линии развития, а понятие «психическое событие» наполнилось новыми смыслами и обеспечило исследователю свою собственную точку зрения в анализе произведений. Широкое обобщение и осмысление под иным углом зрения вопросов телесности, которой так насыщена экспрессионистская проза и размышления о которой рассыпаны по многочисленным трудам экспрессионизмоведения, составили одну из заслуг данного исследования.

В рамках этого же второго направления поиска можно рассматривать и докторскую диссертацию Ю.Г. Тимралиевой «Языковая картина мира немецкого литературного экспрессионизма (на основе анализа малоформатных текстов)» (2017) [46], которая направлена на решение проблемы отсутствия системного, панорамного взгляда на собственно лингвистику текстов экспрессионизма. Разумеется, язык экспрессионистской лирики, драмы и прозы всегда был и есть в центре внимания зарубежных и отечественных экспрессионизмоведов, однако задача установить весь лингвостилистический арсенал экспрессионистской поэтики никогда не ставилась, более того, решение такой задачи представляется практически невыполнимым для одного исследователя в рамках одной, пусть и докторской, диссертации. Тем не менее автор продвигается по этому пути скрупулезно и пошагово, от одного языкового уровня к другому и, таким образом, от фоники до жанра, включая особенности стихосложения и композиции, на широчайшей эмпирической основе, а следовательно, достоверно и обоснованно, проводит последовательный и непротиворечивый лингвостилистический анализ текстов, в результате которого вырисовывается целостная «языковая картина мира» экспрессионизма и который позволяет размышлять о существовании некоего специального экспрессионистского творческого метода, в чем экспрессионизму неизменно отказывали на протяжении вот уже сотни лет существования феномена. Отечественное, да и зарубежное литературоведение в основном не приветствовало «вторжение» в свое традиционное исследо-

вательское пространство «чуждых» истории и теории литературы методов и методик изучения литературного материала. Но необозримое количество литературоведческих работ в зарубежном и отечественном экспрессионизмоведении, создавшее ощущение некоторой исчерпанности темы, привело к тому, что назрела необходимость какой-то иной методологии изучения феномена, которая бы открывала новые исследовательские горизонты и при этом не заводила бы в тупик осознания отсутствия «единого стиля» экспрессионизма. Ведь тогда вопрос о том, за счет чего же он все-таки остается более-менее целостной художественной системой, продолжал бы оставаться открытым. Ю.Г. Тимралиева предложила в качестве методологической базы исследования научный инструментарий когнитивно-дискурсивной лингвистики, теоретически обосновала его правомерность и весомым практическим результатом доказала эффективность дискурсивного анализа применительно к объекту исследования: лирике и малой прозе экспрессионизма. Благодаря такому инструментарию была установлена отсутствовавшая скрепа, удерживающая неомогенный феномен в границах узнаваемого явления — автор диссертации называет ее «когерентностью дискурсивной формации» [46, с. 33]. Таким образом, речь ведется об особенной семантике и прагматике экспрессионистского дискурса как единого художественного пространства. Избранная методология, с одной стороны, позволила систематизировать и структурировать огромный эмпирический материал, выстроить его интерпретацию в определенные порядки, которые также следует рассматривать как элементы нового знания («субъектная деформация», «объектная деформация», «трансформация субъектно-объектных отношений») [46, с. 15, 23]. С другой — сама методология имеет объяснительную силу, так как организует и интерпретирует текстовую материю как результат процессов концептуализации и категоризации действительности в особой экспрессионистской оптике в конкретный историко-культурный период времени конкретного немецкоязычного пространства. При всей спорности понимания и применения автором исследования существующих методов когнитивной лингвистики, центральное понятие диссертации «языковая картина мира» экспрессионизма во всей своей мозаичности, фрагментарности, раздробленности, «одновременности неодновременного» (Э. Бласс) все же постепенно складывается, обрывает «плотью» множества художественных текстов. Экспрессионизм как художественный дискурс «демон-

стрирует признаки глобального изменения художественного сознания. Деформированное сознание кризисной эпохи рождает деформированный художественный мир, объективируемый через деформированный язык», однако «в отличие от некоторых близкородственных течений полного разрушения традиционной структуры в экспрессионизме не происходит» [46, с. 35]. Данная диссертация также актуализирует множество малоизвестных художественных текстов, которые можно порекомендовать филологу как один из лучших учебных объектов в освоении герменевтического метода.

Третье направление российского экспрессионизмоведения находится в русле современных зарубежных практик исследования феномена как явления «синтетического искусства». Десятки заокеанских и европейских художественных выставок и публикаций свидетельствуют о том, что территория экспрессионизма — это территория *Gesamtkunstwerk* — синкретичного произведения литературы и искусства, совмещающего в себе несколько жанров [53]. Всероссийская научная конференция «Образ и судьба человека в искусстве экспрессионизма», которая состоялась 17–19 апреля 2019 г. в Государственном институте искусствознания в Москве, убедительно продемонстрировала, что для экспрессионизма не только не существовало жанров литературы и искусства, которые бы он не освоил, но и границ между ними. Полагаю, все участники этой конференции остро пережили ощущение «немеркнувшего феномена экспрессионизма» [10, с. 5], так как речь в докладах шла не только и даже не столько непосредственно о самом экспрессионизме, сколько о его последующих интернациональных проявлениях в музыке, танце, театре, графике, живописи, кино и литературе. Это не всегда и не обязательно проявления «неоэкспрессионизма» в чистом виде, но настроенным на волну экспрессионизма глазу, уху и душе он видится и слышится во всех жанрах современного искусства: в современной живописи, графике и скульптуре — в цвете, линии, плоскости и объеме трудно обнаружить нечто такое, чего бы не было уже у В. Лембрука или Э. Барлаха, Э.В. Кирхнера, Э. Нольде, Ф. Марка, М. Пехштейна, А. Явленского или В. Кандинского — этот ряд можно значительно продолжить. Знаток экспрессионистского кино 1920-х гг. в приемах смещения реальности и ее сплава с иррациональным, в визуализации темных сил подсознания, в «световой режиссуре» и в «технике негатива» современного кино непременно узнает поэтику «Кабинета доктора Калигари» Р. Вине или «Носферату» Ф.-В. Мурнау. Современное

балетное и танцевальное искусство закладывало основы новой выразительности в творчестве Р. фон Лабана и М. Вигман и не порвало внутренней связи с ним. В современной музыке, к примеру, в произведениях А. Шнитке, можно услышать сегодняшнюю версию экспрессионистской веры в Великую Гармонию, которая поначалу почти не прослушивается, а только угадывается, но затем неотвратно и мощно проступает из Великого Хаоса и рождает музыкальные образы почти невыносимой, физиологически воспринимаемой красоты. В замечательной статье Е.В. Орловой о жизни экспрессионизма «после смерти экспрессионистов» точно подмечено, что неоэкспрессионистских художников волновал не столько сам «исторический экспрессионизм» как художественно-историческое явление, сколько «его последующее существование в наших умах и воспоминаниях» [16, с. 480].

Из более ранних работ XXI в. третьего направления исследований отметим диссертацию М.Б. Горбатенко (Румянцевой) «Драмы Оскара Кокошки и проблема синтеза искусств в европейской драматургии 1900–1910-х гг.» (2004) [6], которая представляет собой не только масштабное интердисциплинарное исследование драматургического наследия австрийского живописца, графика, поэта, драматурга, режиссера-постановщика О. Кокошки, но и критический анализ рецепции творчества этого мастера в зарубежном литературоведении, искусствоведении и театроведении на протяжении всего XX в. В таком же ракурсе использования достижений смежных дисциплин было выполнено диссертационное исследование Е.А. Сакулиной «Художественный мир Г. Тракля. Принцип музыкальности» (2009) [39]. Автор пытается осмыслить творчество австрийского поэта на стыке поэтики и музыки. Отметим, что наблюдения над музыкальностью поэтического строя Г. Тракля рассыпаны по всему траклеведению и критике перевода его поэзии; не существует ни одного канонического разбора его стихотворений, в котором бы критики не обращали внимание на соединение несоединимого в образной или мотивной структуре поэта, не предпринимали бы попытку семантизации фонетического, ритмического строя, не выявляли бы сквозные для всего поэтического творчества мотивы. Эта работа убеждает, что такие термины и понятия теории музыки, как «контрапункт», «лейтмотив», «консонанс», «диссонанс», «разрешение диссонанса» и др., оказываются в литературоведении продуктивными и могут использоваться не только метафорически.

На фоне неугасающего интереса к немецкоязычному экспрессионизму в современном зарубежном и отечественном литературоведении истории русской и зарубежной литературы не могут не задаваться вопросом о существовании, степени самостоятельности и самобытности русского экспрессионизма, о его типологическом родстве с немецкоязычным феноменом. Этим проблемам посвящены диссертации М.А. Шестаковой на тему «Становление поэтики русского экспрессионизма в литературе 1900–1920-х гг.» (2017) [50] и В.С. Наумовой «Поэзия немецкого экспрессионизма и ее русская рецепция (1920-е гг.)» (2016) [14]. Различный масштаб и значение изучаемых явлений, как отмечает В.С. Наумова, не исключает возможности и продуктивности их исследования в сравнительно-историческом аспекте. Русские поэты-экспрессионисты опирались на немецкие образцы, но отнюдь не абсолютизировали их значение, интерпретируя общие темы эпохи в соответствии со своим собственным социальным и эстетическим опытом [14, с. 4]. Предложенная М.А. Шестаковой научная парадигма изучения явления как типа творческого сознания и как приема, объединенных общей природой художественного высказывания, также позволяет рассматривать весьма разрозненные интернациональные поэтические явления и историко-литературные факты в единой оптике традиционного экспрессионизмоведения и снимает целый ряд дискуссионных вопросов о статусе русского экспрессионизма в общеевропейском литературном процессе. Обе работы отличаются обостренным вниманием к деталям поэтического высказывания, к системе образов и приемов в большом количестве художественных текстов [50, с. 17–18]. В диссертации М.А. Шестаковой через призму поэтики экспрессионизма проведена большая кропотливая работа по оригинальному осмыслению значительного корпуса русской поэзии и малой прозы первой четверти XX в. Материалом сопоставительного исследования В.С. Наумовой послужили литературные манифесты, критическая проза, стихотворения и художественные переводы немецкой поэзии экспрессионизма, созданные представителями немецкого и русского авангарда в 1910–1920-х гг. Это — первый опыт комплексного анализа различных форм русской рецепции теоретических позиций и лирических текстов, характерных для немецкого экспрессионизма. Двухязычная перспектива изучения феномена и в этой работе открыли возможности иного научного взгляда, отличного от аналогичных монокультурных исследований. В диссертации

В.С. Наумовой сделан важный вывод о том, что «“Большой” экспрессионизм в Германии и “малый” экспрессионизм в России являются элементами общей для них системы европейского авангарда и варьируют ее инвариантные признаки» [14, с. 4].

В заключение этого обзора новейших достижений российского экспрессионизмоведения приведем, на наш взгляд, важное для понимания повышенного интереса к «историческому экспрессионизму» высказывание Е.В. Орловой, касающееся современного искусства Германии, которое, однако, актуально не только для родины экспрессионизма: «Экспрессионистский дух завоевал столь широкую и пеструю по стилистике художественную сцену Германии конца 1970–1980-х годов, был укреплен чужими инновациями и приобрел феерическую силу, однако потерял свои прежние качества. *Глубина и серьезность видения мира, присущие историческому экспрессионизму, во многом оказались потерянными*» [16, с. 471] (курсив наш. — Н.П.).

Нельзя не заметить, что на фоне всех других авангардных школ и течений как раннего модернизма, так и искусства второй половины XX — начала XXI вв. «исторический экспрессионизм» выделяется глубиной и величию трагических переживаний по поводу утраты гуманистического идеала и отличается исключительной серьезностью намерений в деле слияния искусства с жизнью. «Тоска бытия» и «боль жизни» в экспрессионистской версии нам по-прежнему интересны, и это — интерес не только историко-литературный. Венец П. Хатвани (1892–1975), один из лучших теоретиков немецкоязычного экспрессионизма, автор его каноничных документов, признанный впоследствии «тайным классиком его теории» [54, с. 455–456], оказался прав, когда предрекал экспрессионизму «вечное величие», ведь экспрессионизм «солидарен с жизнью <...>, это — фронда против смерти» [55, с. 234] — “es lebe der Expressionismus!” — «да здравствует экспрессионизм!» [55, с. 231].

Список литературы

Исследования

- 1 Асоян А. Русский экспрессионизм — фантом или реальность? // Культурология. 2014. № 1 (68). С. 27–41.
- 2 Балашова Т.В. Поэтика авангарда и культурное поле XX в. // Авангард в культуре XX в. (1900–1930): в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2010. Кн. 1: Теория. История. Поэтика. С. 266–292.

- 3 *Борев Ю.Б.* Экспрессионизм: отчужденный человек во враждебном мире // Теория литературы. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. Т. IV: Литературный процесс. С. 297–304.
- 4 *Волокитина Н.И.* Фаустианские мотивы в творчестве Франца Верфеля: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2019. 21 с.
- 5 *Гирич Ю.Н.* Системообразующие концепты культуры авангарда // Авангард в культуре XX в. (1900–1930): в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2010. Кн. 1: Теория. История. Поэтика. С. 77–156.
- 6 *Горбатенко М.Б.* Драмы Оскара Кокошки и проблема синтеза искусств в европейской драматургии 1900–1910-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 26 с.
- 7 *Гуэнин А.А.* Экспрессионизм в Германии и Австрии // Зарубежная литература XX в.: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издат. центр «Академия», 2003. С. 79–102.
- 8 *Жеребин А.И.* Тайный код русской германистики (к истории сравнительного метода). М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. 11–29.
- 9 *История литературы Германии XX в.* М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. I: 1880–1945. Кн. 1: Литература Германии между 1880 и 1918 гг. 864 с.
- 10 *Колязин В.Ф.* Херварт Вальден и судьбы европейского экспрессионизма на переломе эпох // Херварт Вальден и наследие немецкого экспрессионизма. М.: Политическая литература, 2014. С. 5–24.
- 11 *Красовицкая Ю.В.* “Der neue Mensch” в немецкой экспрессионистской драме: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 22 с.
- 12 *Лукач Г.* Величие и падение экспрессионизма // Литературный критик. 1933. № 2. С. 36–53.
- 13 *Мальцева И.Г.* Адекватность перевода цветовых концептов Г. Тракля на русский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 23 с.
- 14 *Наумова В.С.* Поэзия немецкого экспрессионизма и ее русская рецепция (1920-е гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016. 18 с.
- 15 *Недошивин Г.* Проблема экспрессионизма // Экспрессионизм: Драматургия. Живопись. Графика. Музыка. Кино: сб. статей. М.: Наука, 1966. С. 8–15.
- 16 *Орлова Е.В.* Экспрессионизм и неоэкспрессионизм: мост или разлом // Херварт Вальден и наследие немецкого экспрессионизма. М.: Политическая литература, 2014. С. 461–484.
- 17 *Павлова Н.С.* Готфрид Бенн // История литературы. М.: Наука, 1980. С. 75–88.
- 18 *Павлова Н.С.* Экспрессионизм // История немецкой литературы: в 5 т. М.: Наука, 1968. Т. 4: 1848–1918. С. 536–564.
- 19 *Павлова Н.С.* Экспрессионизм // Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1975. Т. 8: Флобер — Яшпал. Стб. 859–862.

- 20 Павлова Н.С. Экспрессионизм и некоторые вопросы становления социалистического реализма в немецкой демократической литературе // Реализм и его соотношение с другими творческими методами. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 271–302.
- 21 Павлова Н.С. Экспрессионизм // Зарубежная литература XX в.: уч. для вузов / 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2001. С. 182–194.
- 22 Пестова Н.В. Лирика немецкого экспрессионизма: профили чужести / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1999. 463 с.
- 23 Пестова Н.В. Спецификация концепта “blau” в русских поэтических переводах // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 204–209.
- 24 Пестова Н.В. Немецкий литературный экспрессионизм: уч. пособие по заруб. литературе первой четверти XX в. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2004. 336 с.
- 25 Пестова Н.В. Экспрессионизм // Авангард в культуре XX в. (1900–1930): в 2 кн. М.: ИМЛИ РАН, 2010. Кн. 1: Теория. История. Поэтика. С. 293–359.
- 26 Пестова Н.В. Немецкоязычный экспрессионизм в освещении российской германистики // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. С. 163–175.
- 27 Пестова Н.В. Экспрессионизм // Литературный процесс в Германии на рубеже XIX–XX вв. (течения и направления). М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 371–396.
- 28 Пестова Н.В. Экспрессионизм // История литературы Германии XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. I: 1880–1945. Кн. 1: Литература Германии между 1880 и 1918 гг. С. 538–555.
- 29 Пестова Н.В., Мальцева И.Г. Стратегии художественного перевода синтетосемии Г. Тракля // Germanistische Studien / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2009. Вып. 2. С. 48–62.
- 30 Пестова Н.В. Случайный гость из готики: русский, австрийский и немецкий экспрессионизм / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2009. 298 с.
- 31 Пестова Н.В. «Новое видение» и поэтика очуждения в русском и немецкоязычном экспрессионизме // Немецкоязычная литература: единство в многообразии: сборник статей к 75-летию проф. В.Д. Седельника. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 125–136.
- 32 Пестова Н.В. Австрийский литературный экспрессионизм / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2015. 273 с.
- 33 Пестова Н.В. Текстура как объект лингвистического и литературоведческого исследования // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. М.: Языки славянской культуры, 2006. Т. 2. С. 108–116.
- 34 Послесловие // История литературы Германии XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. I: 1880–1945. Кн. 2: Литература Германии между 1918 и 1945 гг. С. 955–962.
- 35 Порунцов В.А. Художественный мир малой прозы немецкого экспрессионизма 1910-х гг.: Георг Гейм, Альфред Дёблин, Готфрид Бенн: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2016. 21 с.

- 36 *Рохлин Б.* Урок немецкого: группа «Мост». К 100-летию со дня рождения экспрессионизма // Звезда. 2006. № 2. С. 183–189.
- 37 *Русская литература XX века: закономерности исторического развития.* Екатеринбург: УрО РАН, УрО РАО, 2005. Кн. 1: Новые художественные стратегии. 466 с.
- 38 *Русский экспрессионизм. Теория. Практика. Критика.* М.: ИМЛИ РАН, 2005. 512 с.
- 39 *Сакулина Е.А.* Художественный мир Г. Тракля. Принцип музыкальности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2009. 20 с.
- 40 *Сарабьянов Д.* Русский и немецкий авангард 1910–1920-х гг. во главе международного авангардного движения // Москва — Берлин / Berlin–Moskau, 1900–1950: Изобразительное искусство, фотография, архитектура, театр, литература, музыка, кино. М.: Галарт; Берлин, Мюнхен: Престель, 1996. С. 97–103.
- 41 *Сарабьянов Д.В.* В ожидании экспрессионизма и рядом с ним // Русский авангард 1910–1920-х гг. и проблема экспрессионизма. М.: Наука, 2003. С. 3–13.
- 42 *Сидоров Е., Лужков Ю.* Вступительное слово // Москва — Берлин / Berlin–Moskau, 1900–1950: Изобразительное искусство, фотография, архитектура, театр, литература, музыка, кино. М.: Галарт; Берлин, Мюнхен: Престель, 1996. С. 9.
- 43 *Сироткин Н.С.* Поэзия русского и немецкого авангарда с точки зрения семиотики Ч.С. Пирса: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2003. 199 с.
- 44 *Сумерки человечества: Лирика немецкого экспрессионизма / сост. В.Л. Топоров и др.* М.: Московский рабочий, 1990. 271 с.
- 45 *Терехина В.Н.* Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX в. Генезис. Историко-культурный аспект. Поэтика. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 320 с.
- 46 *Тимралиева Ю.Г.* Языковая картина мира немецкого литературного экспрессионизма (на основе анализа малоформатных текстов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2017. 40 с.
- 47 *Топер П.М.* Энциклопедический словарь экспрессионизма // Энциклопедический словарь экспрессионизма. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 5–18.
- 48 *Топер П.М.* Экспрессионизм как культурный феномен Новейшего времени // Германия. XX век. Модернизм, авангард, постмодернизм. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. С. 73–89.
- 49 *Хренов Н.А.* Экспрессионизм и русская культура // Херварт Вальден и наследие немецкого экспрессионизма. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 75–98.
- 50 *Шестакова М.А.* Становление поэтики русского экспрессионизма в литературе 1900–1920-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2017. 19 с.
- 51 *Энциклопедический словарь экспрессионизма / гл. ред. П.М. Топер.* М.: ИМЛИ РАН, 2008. 736 с.
- 52 *Expressionismus: Gestalten einer literarischen Bewegung.* Heidelberg: W. Rothe-Verlag, 1956. 375 S.

- 53 Gesamtkunstwerk Expressionismus: Kunst, Film, Literatur, Theater, Tanz und Architektur 1905 bis 1925. Darmstadt: Hatje Cantz, 2010. 512 S.
- 54 *Haefs W.* "Der Expressionismus ist tot... Es lebe der Expressionismus": Paul Hatvani als Literaturkritiker und Literaturtheoretiker des Expressionismus // Expressionismus in Österreich: die Literatur und die Künste. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 1994. S. 453–485.
- 55 *Hatvani P.* Zeitbild // Theorie des Expressionismus. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1976. S. 228–234.
- 56 *Hiller K.* Das Cabaret und die Gehirne Salut: Rede zur Eröffnung des Neopathetischen Cabarets // Die Berliner Moderne: 1885–1914. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1993. S. 528–531.
- 57 *Huelsbeck R.* Was wollte Expressionismus? // Expressionismus. Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1910–1920. Stuttgart: Metzler, 1982. S. 123–130.
- 58 Literatur und Kunst 1910–1923. Eine Ausstellung des deutschen Literaturarchivs im Schiller-Nationalmuseum Marbach a. Neckar. Marbach a. N.: Selbstverlag, 1960. 352 S.
- 59 *Pestova N.V.* Der kognitive Wert der expressionistischen «absoluten Metapher» (am Beispiel Georg Trakls Dichtung und ihrer Übersetzung ins Russische // Филологический класс: научно-методический журнал. 2018. № 3 (53). С. 54–59.
- 60 *Pinthus K.* Zuvor // Menschheitsdämmerung. Ein Dokument des Expressionismus. Mit Biographien und Bibliographien neu hrsg. von K. Pinthus. Hamburg: Rowohlt, 1996. S. 22–31.
- 61 *Schmitt H.-J.* Die Expressionismusdebatte: Materialien zu einer marxistischen Realismuskonzeption. Frankfurt / Main: Suhrkamp, 1973. 338 S.

References

- 1 Asoian, A. "Russkii ekspressionizm – fantom ili real'nost'?" ["Russian Expressionism – Phantom or Reality?"]. *Kul'turologiia*, no. 1 (68), 2014, pp. 27–41. (In Russ.)
- 2 Balashova, T.V. "Poetika avangarda i kul'turnoe pole XX v." ["The Avant-garde Poetics and the Cultural Field of the 20th Century"]. *Avangard v kul'ture XX v. (1900–1930): v 2 kn.* [*Avant-garde in the Culture of the 20th Century (1900–1930): in 2 books*], book 1: Teoriia. Istoriia. Poetika [Theory. History. Poetics]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010, pp. 266–292. (In Russ.)
- 3 Borev, Iu.B. "Ekspressionizm: otchuzhdennyi chelovek vo vrazhdebnom mire" ["Expressionism: an Alienated Person in a Hostile World"]. *Teoriia literatury* [*Literary Theory*], vol. IV: Literaturnyi protsess [Literary Process]. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2001, pp. 297–304. (In Russ.)
- 4 Volokitina, N.I. *Faustianskie motivy v tvorchestve Frantsa Verfel'a: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [*Faustian Motives in Franz Werfel's Works: PhD thesis, summary*]. Yekaterinburg, 2019. 21 p. (In Russ.)
- 5 Girin, Iu.N. "Sistemoobrazuiushchie kontsepty kul'tury avangarda" ["System-forming Concepts of Avant-garde Culture"]. *Avangard v kul'ture XX v. (1900–1930): v 2 kn.* [*Avant-garde in the Culture of the 20th century (1900–1930): in 2 books*], book 1: Teoriia. Istoriia. Poetika [Theory. History. Poetics]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010, pp. 77–156. (In Russ.)
- 6 Gorbatenko, M.B. *Dramy Oskara Kokoshki i problema sinteza iskusstv v evropeiskoi dramaturgii 1900–1910-kh gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [*Oscar Kokoschka's Dramas and the Synthesis of Arts in the European Drama of the 1900–1910s: PhD thesis, summary*]. St. Petersburg, 2004. 26 p. (In Russ.)
- 7 Gugin, A.A. "Ekspressionizm v Germanii i Avstrii" ["Expressionism in Germany and Austria"]. *Zarubezhnaia literatura XX v.: uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [*Foreign Literature of the 20th century: Textbook for University Students*]. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Akademiia" Publ., 2003, pp. 79–102. (In Russ.)
- 8 Zherebin, A.I. "Tainyi kod russkoi germanistiki (k istorii sravnitel'nogo metoda)" ["The Secret Code of Russian Germanistics (on the History of Comparative Method)"]. *Russkaia germanistika. Ezhegodnik Rossiiskogo soiuzha germanistov* [*Russian Germanistics. Russian Union of Germanists Annual*], vol. 1. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 11–29. (In Russ.)
- 9 *Istoriia literatury Germanii XX v.* [*History of German Literature of the 20th Century*], vol. I: 1880–1945, book. 1: Literatura Germanii mezhdou 1880 i 1918 gg. [German Literature Between 1880 and 1918]. Moscow, IWL RAS Publ., 864 p. (In Russ.)
- 10 Koliazin, V.F. "Khervart Val'den i sud'by evropeiskogo ekspressionizma na perelome epokh" ["Herwart Walden and Fates of European Expressionism at the Turn of the Epochs"]. *Khervart Val'den i nasledie nemetskogo ekspressionizma* [*Herwart Walden and the Legacy of German Expressionism*]. Moscow, Politicheskaiia literatura Publ., 2014, pp. 5–24. (In Russ.)

- 11 Krasovitskaia, Iu.V. “*Der neue Mensch*” v nemetskoj ekspressionistskoj drame: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [“*Der neue Mensch*” in German Expressionist Drama: PhD thesis, summary]. Moscow, 2017. 22 p. (In Russ.)
- 12 Lukach, G. “Velichie i padenie ekspressionizma” [“The Greatness and Fall of Expressionism”]. *Literaturnyi kritik*, no. 2, 1933, pp. 36–53. (In Russ.)
- 13 Mal'tseva, I.G. *Adekvatnost' perevoda tsvetovykh kontseptov G. Traklia na russkii iazyk: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Adequate Translation of G. Trakl's Color Concepts into Russian: PhD thesis, summary]. Yekaterinburg, 2008. 23 p. (In Russ.)
- 14 Naumova, V.S. *Poeziia nemetskogo ekspressionizma i ee russkaia retseptsiia (1920-e gg.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Poetry of German Expressionism and its Russian Reception (1920s): PhD thesis, summary]. Yekaterinburg, 2016. 18 p. (In Russ.)
- 15 Nedoshivin, G. “Problema ekspressionizma” [“The Expressionism Issue”]. *Ekspressionizm: Dramaturgiia. Zhivopis'. Grafika. Muzyka. Kino: sbornik statei* [Expressionism: Dramaturgy. Painting. Graphics. Music. Cinema: Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 8–15. (In Russ.)
- 16 Orlova, E.V. “Ekspressionizm i neoekspressionizm: most ili razlom” [“Expressionism and Neo-Expressionism: Bridge or Rift”]. *Khervart Val'den i nasledie nemetskogo ekspressionizma* [Herwart Walden and the Legacy of German Expressionism]. Moscow, Politicheskaiia literatura Publ., 2014, pp. 461–484. (In Russ.)
- 17 Pavlova, N.S. “Gotfrid Benn” [“Gottfried Benn”]. *Istoriia literatury* [Literary History]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 75–88. (In Russ.)
- 18 Pavlova, N.S. “Ekspressionizm” [“Expressionism”]. *Istoriia nemetskoj literatury: v 5 t.* [History of German Literature: in 5 vols.], vol. 4 (1848–1918). Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 536–564. (In Russ.)
- 19 Pavlova, N.S. “Ekspressionizm” [“Expressionism”]. *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia* [Brief Literary Encyclopedia], vol. 8. Moscow, Sovetskaia enciklopediia Publ., 1975, col. 859–862. (In Russ.)
- 20 Pavlova, N.S. “Ekspressionizm i nekotorye voprosy stanovleniia sotsialisticheskogo realizma v nemetskoj demokraticheskoj literature” [“Expressionism and Some Issues of the Formation of Socialist Realism in German Democratic Literature”]. *Realizm i ego sootnoshenie s drugimi tvorcheskimi metodami* [Realism and Its Relationship with Other Creative Methods]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1962, pp. 271–302. (In Russ.)
- 21 Pavlova, N.S. “Ekspressionizm” [“Expressionism”]. *Zarubezhnaia literatura XX v.: uchebnik dlia vuzov* [Foreign Literature of the 20th Century: Textbook for Universities], 2nd ed., rev. and edd. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 2001, pp. 182–194. (In Russ.)
- 22 Pestova, N.V. *Lirika nemetskogo ekspressionizma: profili chuzhesti* [Lyrics of German Expressionism: Alien Profiles]. Yekaterinburg, 1999. 463 p. (In Russ.)
- 23 Pestova, N.V. “Spetsifikatsiia kontsepta ‘blau’ v russkikh poeticheskikh perevodakh” [“Specification of the Concept ‘Blue’ in Russian Poetry Translations”]. *Politicheskaiia lingvistika*, no. 1 (39), 2012, pp. 204–209. (In Russ.)

- 24 Pestova, N.V. *Nemetskii literaturnyi ekspressionizm: uchebnoe posobie po zarubezhnoi literature pervoi chetverti XX v.* [*German Literary Expressionism: Textbook on Foreign Literature of the 1st Quarter of the 20th Century*]. Yekaterinburg, 2004. 336 p. (In Russ.)
- 25 Pestova, N.V. “Ekspressionizm” [“Expressionism”]. *Avangard v kul'ture XX v. (1900–1930): v 2 kn.* [*Avant-garde in the Culture of the 20th Century (1900–1930): in 2 books*], book 1: Teoriia. Istoria. Poetika [Theory. History. Poetics]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010, pp. 293–359. (In Russ.)
- 26 Pestova, N.V. “Nemetskoiazychnyi ekspressionizm v osveshchenii rossiiskoi germanistiki” [“German-language Expressionism in the Coverage of Russian Germanistics”]. *Russkaia germanistika. Ezhegodnik Rossiiskogo soiuza germanistov.* [*Russian Germanistics. Russian Union of Germanists Annual*], vol. 1. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 163–175. (In Russ.)
- 27 Pestova, N.V. “Ekspressionizm” [“Expressionism”]. *Literaturnyi protsess v Germanii na rubezhe XIX–XX vv. (techeniia i napravleniia)* [*Literary Process in Germany at the Turn of the 20th Century (Currents and Directions)*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2014, pp. 371–396. (In Russ.)
- 28 Pestova, N.V. “Ekspressionizm” [“Expressionism”]. *Istoriia literatury Germanii XX v.* [*History of German Literature of the 20th Century*], vol. 1: 1880–1945, book 1: Literatura Germanii mezhdu 1880 i 1918 gg. [German Literature Between 1880 and 1918]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, pp. 538–555. (In Russ.)
- 29 Pestova, N.V., Mal'tseva, I.G. “Strategii khudozhestvennogo perevoda sintetosemii G. Traklia” [“G. Trakl's Works Literary Translation Strategies”]. *Germanistische Studien*, issue 2. Yekaterinburg, 2009, pp. 48–62. (In Russ.)
- 30 Pestova, N.V. *Sluchainyi gost' iz gotiki: russkii, avstriiskii i nemetskii ekspressionizm* [*Accidental Guest from the Gothic: Russian, Austrian and German Expressionism*]. Yekaterinburg, 2009. 298 p. (In Russ.)
- 31 Pestova, N.V. “Novoe videnie' i poetika ochuzhdeniia v russkom i nemetskoiazychnom ekspressionizme” [“New Vision' and the Poetics of Russian and German-language Expressionism”]. *Nemetskoiazychnaia literatura: edinstvo v mnogoobrazii: sbornik statei k 75-letiiu professora V.D. Sedel'nika* [*German-language Literature: Unity in Diversity: Collection of Articles for the 75th Anniversary of Prof. V.D. Sedelnik*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010, pp. 125–136. (In Russ.)
- 32 Pestova, N.V. *Avstriiskii literaturnyi ekspressionizm* [*Austrian Literary Expressionism*]. Yekaterinburg, 2015. 273 p. (In Russ.)
- 33 Pestova, N.V. “Tekstura kak ob”ekt lingvisticheskogo i literaturovedcheskogo issledovaniia” [“Texture as an Object of Linguistic and Literary Research”]. *Russkaia germanistika. Ezhegodnik Rossiiskogo soiuza germanistov.* [*Russian Germanistics. Russian Union of Germanists Annual*], vol. 2. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2006, pp. 108–116. (In Russ.)

- 34 "Posleslovie" ["Afterword"]. *Istoriia literatury Germanii XX v.* [*History of German Literature of the 20th Century*], vol. I: 1880–1945, book. 2: Literatura Germanii mezhdru 1918 i 1945 gg. [German Literature Between 1918 and 1945]. Moscow, IWL RAS Publ., 2016, pp. 955–962. (In Russ.)
- 35 Poruntsov, V.A. *Khudozhestvennyi mir maloi prozy nemetskogo ekspressionizma 1910-kh gg.*: Georg Gejm, Al'fred Djoblin, Gotfrid Benn: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The Artistic World of Small Prose Genres in German Expressionism of the 1910s: Georg Heym, Alfred Döblin, Gottfried Benn: PhD thesis, summary]. Ivanovo, 2016. 21 p. (In Russ.)
- 36 Rokhlin, B. "Urok nemetskogo: gruppa 'Most'. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia ekspressionizma" ["German Lesson: 'Die Brücke'. To the 100th Anniversary of Expressionism"]. *Zvezda*, no. 2, 2006, pp. 183–189. (In Russ.)
- 37 *Russkaia literatura XX v.: zakonomernosti istoricheskogo razvitiia* [Russian Literature of the 20th Century: Patterns of Historical Development], book 1: Novye khudozhestvennye strategii [New Art Strategies]. Yekaterinburg, UrO RAN Publ., UrO RAO Publ., 2005. 466 p. (In Russ.)
- 38 *Russkii ekspressionizm. Teoriia. Praktika. Kritika* [Russian Expressionism. Theory. Practice. Criticism]. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 512 p. (In Russ.)
- 39 Sakulina, E.A. *Khudozhestvennyi mir G. Traklia. Printsip muzykal'nosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Art World of G. Trakl. The Principle of Musicality: PhD thesis, summary]. Nizhny Novgorod, 2009. 20 p. (In Russ.)
- 40 Sarab'ianov, D.V. "Russkii i nemetskii avangard 1910–1920-kh gg. vo glave mezhdunarodnogo avangardnogo dvizheniia" ["Russian and German Avant-garde of the 1910–1920s at the Head of the International Avant-garde Movement"]. *Moskva–Berlin, Berlin–Moskau, 1900–1950: Izobrazitel'noe iskusstvo, fotografiia, arkhitektura, teatr, literatura, muzyka, kino* [Moscow–Berlin, Berlin–Moskau, 1900–1950: Fine Art, Photography, Architecture, Theater, Literature, Music, Cinema]. Moscow, Galart Publ.; Berlin, München, Prestel' Publ., 1996, pp. 97–103. (In Russ.)
- 41 Sarab'ianov, D.V. "V ozhidanii ekspressionizma i riadom s nim" ["Waiting for Expressionism and Next to It"]. *Russkii avangard 1910–1920-kh gg. i problema ekspressionizma* [Russian Avant-garde of the 1910–1920s and the Expressionism Issue]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 3–13. (In Russ.)
- 42 Sidorov, E., Luzhkov, Iu. "Vstupitel'noe slovo" ["Opening Remarks"]. *Moskva–Berlin, Berlin–Moskau, 1900–1950: Izobrazitel'noe iskusstvo, fotografiia, arkhitektura, teatr, literatura, muzyka, kino* [Moscow–Berlin, Berlin–Moskau, 1900–1950: Fine Art, Photography, Architecture, Theater, Literature, Music, Cinema]. Moscow, Galart Publ.; Berlin, München, Prestel' Publ., 1996, p. 9. (In Russ.)
- 43 Sirotkin, N.S. *Poeziia russkogo i nemetskogo avangarda s tochki zreniia semiotiki Ch.S. Pirsas: dis. ... kand. filol. nauk* [Poetry of Russian and German Avant-garde from the

- Point of View of the C.S. Pierce's Semiotics: PhD thesis*]. Chelyabinsk, 2003. 199 p. (In Russ.)
- 44 *Sumerki chelovechestva: Lirika nemetskogo ekspressionizma* [Twilight of Humanity: Lyrics of German Expressionism], comp. V.L. Toporov and others. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1990. 271 p. (In Russ.)
- 45 Terekhina, V.N. *Ekspressionizm v russkoi literature pervoi treti XX v. Genezis. Istoriko-kul'turnyi aspekt. Poetika* [Expressionism in Russian Literature of the First Third of the 20th Century. Genesis. Historical and Cultural Aspect. Poetics]. Moscow, IWL RAS Publ., 2009. 320 p. (In Russ.)
- 46 Timralieva, Iu.G. *Iazykovaia kartina mira nemetskogo literaturnogo ekspressionizma (na osnove analiza maloformatnykh tekstov): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Language Picture of the World of German Literary Expressionism (Based on Analysis of Small-Format Texts): PhD thesis, summary]. St. Petersburg, 2017. 40 p. (In Russ.)
- 47 Toper, P.M. "Entsiklopedicheskii slovar' ekspressionizma" ["Encyclopedic Dictionary of Expressionism"]. *Entsiklopedicheskii slovar' ekspressionizma* [Encyclopedic Dictionary of Expressionism]. Moscow, IWL RAS Publ., 2008, pp. 5–18. (In Russ.)
- 48 Toper, P.M. "Ekspressionizm kak kul'turnyi fenomen Noveishego vremeni". ["Expressionism as a Cultural Phenomenon of Modern Times"]. *Germaniia. XX v. Modernizm, avangard, postmodernizm* [Germany. The 20th Century. Modernism, Avantgarde, Postmodernism]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia Publ., 2008, pp. 73–89. (In Russ.)
- 49 Khrenov, N.A. "Ekspressionizm i russkaia kul'tura" ["Expressionism and Russian Culture"]. *Khervart Val'den i nasledie nemetskogo ekspressionizma* [Herwart Walden and the Legacy of German Expressionism]. Moscow, Politicheskaiia entsiklopediia Publ., 2014, pp. 75–98. (In Russ.)
- 50 Shestakova, M.A. *Stanovlenie poetiki russkogo ekspressionizma v literature 1900–1920-kh gg.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Emergence of the Poetics of Russian Expressionism in the Literature of the 1900–1920s: PhD thesis, summary]. Saratov, 2017. 19 p. (In Russ.)
- 51 *Entsiklopedicheskii slovar' ekspressionizma* [Encyclopedic Dictionary of Expressionism], ed. by P.M. Toper. Moscow, IWL RAS Publ., 2008. 736 p. (In Russ.)
- 52 *Expressionismus: Gestalten einer literarischen Bewegung*. Heidelberg, W. Rothe-Verlag, 1956. 375 p. (In German)
- 53 *Gesamtkunstwerk Expressionismus: Kunst, Film, Literatur, Theater, Tanz und Architektur 1905 bis 1925*. Darmstadt, Hatje Cantz, 2010. 512 p. (In German)
- 54 Haefs, Wilhelm. "Der Expressionismus ist tot... Es lebe der Expressionismus: Paul Hatvani als Literaturkritiker und Literaturtheoretiker des Expressionismus." *Expressionismus in Österreich: die Literatur und die Künste*. Wien; Köln; Weimar, Böhlau, 1994, pp. 453–485. (In German)

- 55 Hatvani, Paul. "Zeitbild." *Theorie des Expressionismus*. Stuttgart, Philipp Reclam jun., 1976, pp. 228–234. (In German)
- 56 Hiller, Kurt. "Das Cabaret und die Gehirne Salut: Rede zur Eröffnung des Neopathetischen Cabarets." *Die Berliner Moderne: 1885–1914*. Stuttgart, Philipp Reclam jun., 1993, pp. 528–531. (In German)
- 57 Huelsenbeck, Richard. "Was wollte Expressionismus?" *Expressionismus. Manifeste und Dokumente zur deutschen Literatur 1910–1920*. Stuttgart, Metzler, 1982, pp. 123–130. (In German)
- 58 *Literatur und Kunst 1910–1923. Eine Ausstellung des deutschen Literaturarchivs im Schiller-Nationalmuseum Marbach a. Neckar*. Marbach a. N., Selbstverlag, 1960. 352 p. (In German)
- 59 Pestova, Natalia. "Der kognitive Wert der expressionistischen 'absoluten Metapher' (am Beispiel Georg Trakls Dichtung und ihrer Übersetzung ins Russische)." *Filologičeskii klass: nauchno-metodičeskii zhurnal*, no. 3 (53), 2018, pp. 54–59. (In German)
- 60 Pinthus, Kurt. "Zuvor." *Menschheitsdämmerung. Ein Dokument des Expressionismus. Mit Biographien und Bibliographien neu hrsg. von K. Pinthus*. Hamburg, Rowohlt, 1996, pp. 22–31. (In German)
- 61 Schmitt, Hans-Jürgen (ed.). *Die Expressionismusdebatte: Materialien zu einer marxistischen Realismuskonzeption*. Frankfurt / Main, Suhrkamp, 1973. 338 p. (In German)